6 ДЕК 1988
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИЯ
г. Москва

Евгения ГОЛОВНЯ:

«ПЕРЕД БУДУЩИМ В ОТВЕТЕ»

Кинокамера скользит по обшарпанным стенам общежития, по клубку детей в бесконечном коридоре, по лицу полудевочки-полуженщины, чья судьба оказалась искалеченной жизнью в городе-гиганте, чуждом и равнодушном... Острый и откровенный фильм «Лимита, или Четвертый сон» сняла на ЦСДФ режиссер Е. Головня. А я вспоминаю уже далекий летний день: по крутой редакционной лестнице поднимается молодая женщина, за руку которой — «цепочкой» — держатся две девчушки лет трех и шести, в ярких сарафанах, прехорошенькие, смеющиеся. Да и их юная мама не пытается сделать серьезное, «взрослое» лицо. Все трое шумно пересекают коридор и скрываются в одном из кабинетов. И я еще долго нахожусь во власти возникшего чувства легкости, беспечности, праздника...

— Вы делаете акцент на контрасте моей судьбы и судеб моих героинь,— моя собеседница задумывается, потом продолжает:—А я найду и общее, оно в иллюзиях, которые возобладали над реальностью. Для молодых лимитчиц в фильме — это быль-небылица о красивой жизни в столице. Для моего поколения, рожденного в первые послевоенные годы, — это отблеск розовой мечты: «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Так, кажется, это звучало? С иллюзией бесконечной, неведомо кем припасенной для нас радости и вступали мы в жизнь. И, конечно же, трудно взрослели, пытаясь «корректировать» реальность с учетом идеала.

Я выросла в кинематографической среде, в доме часто бывали популярные режиссеры, известные писатели. Но кумиры были совсем другими. Стоит только вспомнить повальное увлечение известным героем Алексея Баталова из «Девяти дней одного года», чтобы понять: я не могла не стать физиком. Но и дальше продолжалось по романтической схеме. Герои умирают от радиации? И я задерживалась, когда включали реактор, все работали в халатах, я — без. А когда одна за другой появились две дочки, ушла из лаборатории: ведь теперь я не могла полностью отдаться науке! Вот когда, не в полной мере, конечно, но начала и я узнавать реалии жизни: мыла полы в парикмахерской, вязала, брала заказы на шитье, расписывала разделочные доски... За все бралась смело, ночи просиживала, а утро часто встречала слезами и вопросом: что же дальше? И тут случай — внештатная работа в газете, иная жизнь, иные люди. Уже подумывала о журналистике как о профессии. И все-таки, узнав о приеме на Высшие режиссерские курсы на отделение документалистики, выбрала кино.

— Но пришли вы в кинодокументалистику не в самое лучшее для нее время. Ни для кого не секрет, что в период застоя она отнюдь не являла собой «совесть кино», как иногда ее называют.

— Увы, «красные стыки», улыбки, цветы, победные марши — вся эта розовая патока густым потоком два десятилетия заливала документальный экран. Сильные того мира не потерпели бы иных документов, иных свидетельств. Но я и сейчас не могу забыть глаза стариков и старух, в последний раз сидящих на скамейках перед своими домами, рубленными из вековых деревьев. Помните слова популярной песни? «Усть-Илим... позови, я пройду сквозь метель и пургу...» А вот такую слышали? «Жили мы — жили, и мать здесь похоронена, и отец, но пришли злодеи и разоряют наши могилы, сжигают наши дома...» Песня эта шла в нашем фильме «Слово об Иване». «Злодеи» пришли построить Усть-Илимскую ГЭС, сотни гектаров земли оказались затопленными, и этого никак не могли вместить сердца беззащитных, бесправных людей. Фильм был закончен в 1974 году. И что же? Я трижды вынуждена была лететь из Москвы в Иркутск делать поправки, которые могли бы сгладить остроту, высветлить чересчур мрачные тона фильма. А когда картину все-таки приняли, единственная (!) ее копия исчезла, растворилась в недрах студии.

— Но есть другая точка зрения. Недавно с горечью прочитала я такие стихотворные строки: «Семидесятники жить предлагали бездарно...» Могут ли и они служить «ключом» к пониманию проблем кинодокументалистики?

— Но это же неверно. Я знала многих талантливых режиссеров, которые не сидели сложа руки, пытаясь работать честно, искренне, бились за проблемы, «кричащие об общественной боли». Но бились лбом о стену, на которой долгие годы было начертано: никаких перемен. Это губило творческие планы. Губило личности: потеряв надежду, многие уходили из кино, спивались.

Что же говорить о более молодых? На ЦСДФ тогда царила обреченная ситуация: «пирог» был разделен между немногими маститыми. Нам же давали снимать журнальчики (меня, к примеру, «бросили» на «Пионерию») и короткие производственные сюжеты — «болты в томате», как мы их называли. Делать халтуру совесть не позволяла — и я, и другие ребята частенько сидели без зарплаты. И это при том, что тем, идей в голове была масса! Предложишь, а тебе в ответ: «Сейчас не время...»

— А сейчас — время?

— Да, у нас, документалистов, сейчас просто «звездный час». Как, впрочем, согласитесь, у всей публицистики: газетной, журнальной, ТВ, радио. Понятно: возможность быстрого и достаточно глубокого реагирования на остросовременные проблемы выдвинула этот жанр на передовые позиции. Об этом же говорят и 120 документальных лент, показанных недавно на первом Всесоюзном фестивале неигрового кино в Свердловске. Разве художественному кинематографу под силу такие темпы?

— Но он дал нам «Покаяние»...

— А «Легко ли быть молодым?» Юриса Подниекса? Разве это не своеобразное «покаяние», только в документалистике? Кстати, тема растерянности и потерянности современной молодежи волновала многих из нас. Она вобрала в себя сгусток проблем застойных времен и витала в воздухе. Помню, в Доме кино встретила я Юриса, спрашиваю: «Что будешь снимать?» — «О молодежи». — «И я тоже», — говорю. Свой фильм я условно назвала «Что они хотят нам сказать?», подала заявку, собирала материал, но так и не сняла: не смогла, что называется, «пробить».

Это потом на студии полным ходом пошли перемены. Появился Олег Уралов с идеями новой стилистики, новых проблем. Появились смелые, спорные, неординарные темы. Студия привлекла к сотрудничеству острых журналистов. Один из них — Юра Щекочихин — и стал сценаристом нового фильма.

— Женя, вы — коренная москвичка. Вопрос «лимиты» волновал вас раньше?

— Правду сказать, нет. Я знала, конечно, что в Москве за последние пятнадцать лет обосновалось 700 тысяч лимитчиков. Но это никак ни меня, ни моих друзей не касалось. Я вижу в этом сейчас опять тот же воспитанный в юности феномен внутренней отстраненности от всего дурного, что есть в жизни, что может поколебать веру в идеал. Как пелена на глазах...

«Зацепила» фраза Щекочихина: «Только не делай расистский фильм». Я не сразу поняла, что он хотел этим сказать, потом только, месяцы спустя, когда уже с головой — на полтора года — нырнула в эту проблему. «Лимита пошла!» — как часто произносятся эти слова, и обязательно с досадой или осуждением.

На первый взгляд эмоции вроде бы оправданные: вот женщина, москвичка в третьем поколении, а все живет в коммуналке, да очереди, да сутолока. Да не будь «лимиты»!.. Но пришел и второй взгляд: нельзя на ненависти друг к другу строить отношения. Тем более что в выплеснутых эмоциях причина подменена следствием, а народ наш ослеп от неудобств, скученности, извращенного понятия о престиже, о человеческом достоинстве...

Я начала объезжать рабочие общежития. И открыла для себя проблему лимитчиков, так сказать, изнутри: люди готовы 7—10 лет жизни потерять, существовать в ужасающих условиях, рожать больных детей, быть фактически изгоями общества ради иллюзорной престижности жить в Москве. И еще один поворот темы открылся после множества наблюдений, откровенных бесед. Едут в столицу по лимиту не оттого, что в ней сытно или весело (хотя для тысяч молодых людей по всей стране и существует символ Москвы—города вечного праздника), но скорее оттого, что дома убого и скучно. Этот аспект сразу выдвинул проблему московской «лимиты» в разряд общезначимых для страны. Ведь только решив социальные вопросы больших и малых — в особенности малых — городов и сел во всех регионах, мы вернем людям забытое чувство отчего края, отчего дома, которые ни покинуть, ни утратить невозможно.

— Гласность поставила людей творческих профессий — а кинодокументалистов, на мой взгляд, в первую очередь — перед новой проблемой: любая ли боль, любое ли страдание должны становиться предметом пристального нашего внимания?

— Ответ, думаю, может быть один: только огромное чувство меры и ответственности художника за то, что и зачем он выносит на всеобщее обсуждение, может остановить камеру у известного предела. Взгляд никогда не должен обернуться разглядыванием, очищение через душевное потрясение не может быть подменено ординарным «тыканьем» в незажившие раны...

Я понимаю некоторых своих коллег, которые после стольких лет молчания вдруг выкрикнули свою правду на самой высокой ноте. И все-таки я — за спокойный, доверительный диалог со зрителем, который ждет от нас, кинодокументалистов, не «картинок», вызывающих шок, а глубины анализа, компетентности. Только тогда найдет отражение в неигровом кино идея, к которой, на мой взгляд, мы только подходим вплотную. На смену культу личности должен прийти культ **личностей** — людей сильных, смелых, действующих. Неважно, где мы найдем их — в прошлом или настоящем. Альтернатива злу, сковавшему страхом наши души, состоит в неистово личном восприятии нами каждого кадра уже снятых документальных фильмов о Вавилове, Вернадском, Кирове...

Конечно, киноочерки о людях выдающихся многое дают для понимания времени и себя в нем. Но сколько новых красок добавляют извлеченные из забвения судьбы тех, что вокруг нас... Четыре года — а может быть, и всю сознательную жизнь, так как разговоры об этом в кругу семьи слышу с младенческих лет — я подбираюсь к теме, за которой трагические судьбы женщин — наших современниц, жен репрессированных, ни в чем не повинных людей. Сценарий «Писем из АЛЖИРа» написали известный драматург Максуд Ибрагимбеков и моя мать — дочь репрессированного — Оксана Головня. Для непосвященных раскрою странную аббревиатуру: Акмолинский лагерь жен изменников Родины. В нем были мать Плисецкой, актриса Оксана Козьмина, Нина Бурлак — жена писателя Бурлака, моя бабушка — актриса немого кино... Некоторые из них живы, их страдания, их боль пронизаны надеждой: былое не должно повториться. Но не хочется ограничиться показом еще одной трагедии. Надо шагнуть дальше. Как, куда? — Живу этими мыслями. Но время течет и утекает, и надо спешить, спешить удержать мгновение человеческого бытия, вложить в копилку Исторической памяти еще один бесценный документ. В этом нынешнее поколение кинодокументалистов, как никакое другое, держит ответ перед будущим.

Беседу вела
И. МЕДВЕДЕВА.